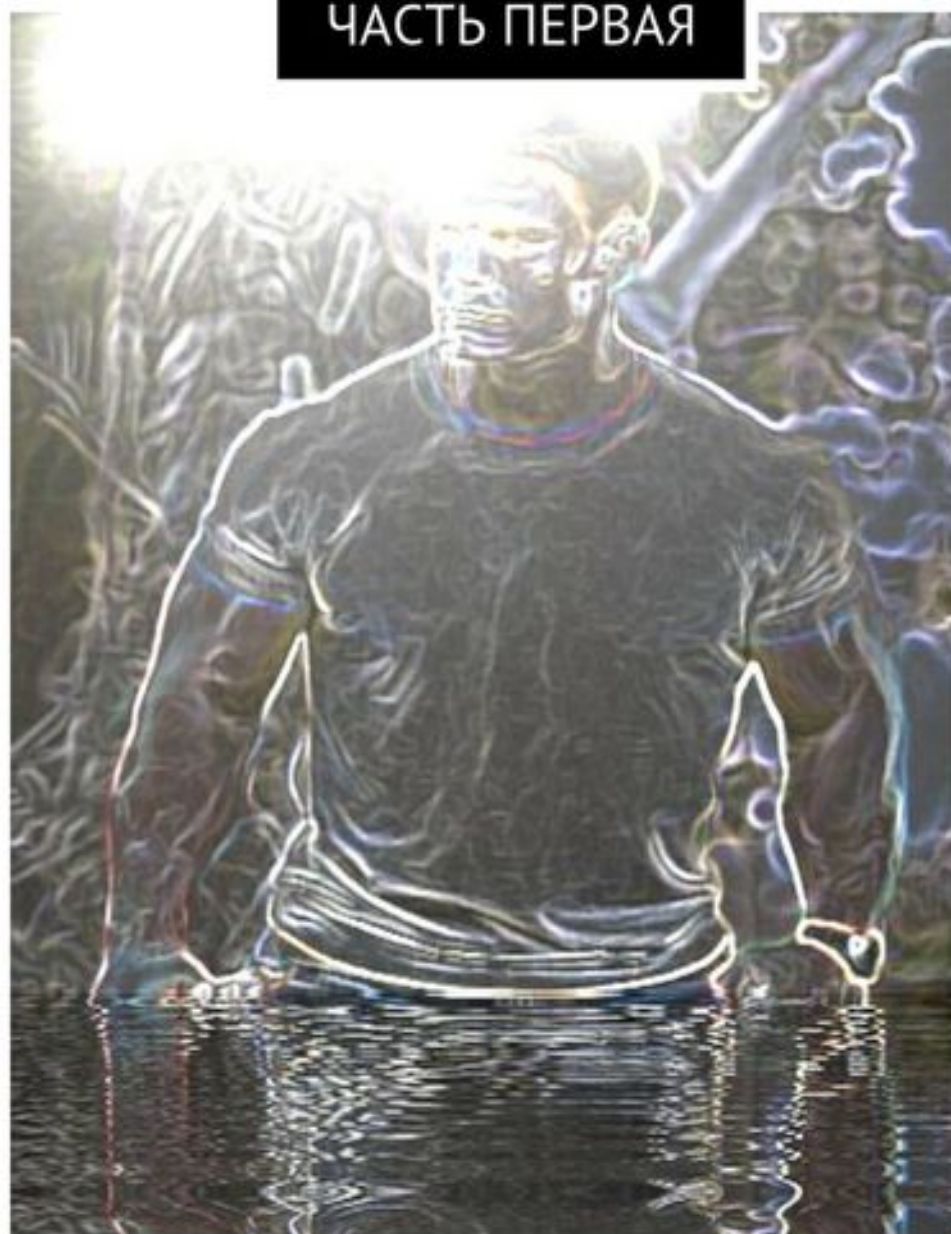

АНАТОЛИЙ ВЕРШ

Много жизней и одна ночь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Анатолий Верш
Много жизней и одна ночь. Часть первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11829043
ISBN 978-5-4474-1520-4*

Аннотация

Роман о событиях 90-х годов. Война, предательство, интриги, дружба и любовь! Добро и зло – кто победит? Книга о реальной жизни в 90-е годы.

Содержание

От автора	5
Часть первая. И ночью, бывает, не спят	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	25
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Много жизней и одна ночь

Часть первая

Анатолий Верш

*Посвящается поколению молодых.
Любите свою Родину Защищайте её. Защищайте матерей,
сестёр, любимых. Помните есть ваш род. Храните его, воспитывайте
его, ибо без рода – нет Родины!*

© Анатолий Верш, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

От автора

Главный герой – прототип трёх человек. Двое прошли Вьетнам. Не удивляйтесь. Наши воины были там. Одного из них знал лично, второго – по его рассказам. Третий – морская пехота 90-е годы, так же знаю лично.

Неимоверная физическая сила, феноменальная память, сила духа. бескорыстие, небывалые истории из их жизни, позволили перенести их образ на современное время полагаясь на документальные факты событий 90-х годов. Эти документальные факты: фильмы изъятые у боевиков о зверствах, которые они чинили. над мирными жителями и пленными солдатами, которые есть в интернете. Воспоминания участников тех событий и журналистские расследования, так же имеющие место в печати на страницах интернета. Но не надо забывать, что это художественная книга, роман, и право автора на свою интерпретацию.

ЗЛО причинённое другим, огнём опалит твою душу в этой жизни, и сожжёт её в другой, но самое страшное, если коснётся твоего рода. Подумай об этом!

Это обязательно будет! Вопрос времени!

Наша жизнь, как плеть, струясь множеством нитей, проходящих где-то рядом, где-то вплотную, а то расходящихся и незнающих о параллельно идущих нитях, но всё равно когда-то переплетающихся друг с другом, в тугой жгут.

Что-то здесь было и на самом деле.

– Или всё?

Часть первая. И ночью, бывает, не спят

Глава 1

Дыхание было ровным, необычно тихо как то было вокруг, ни какого волнения, будто не было последних событий, которые привели его сюда, в этот лес, на краю которого стояло богатое поместье.

Вот тебе матушка и Советская власть! Хватило лишь на 70 лет. Кто бы мог представить из поколения отцов, что бывшие коммунисты, быстро сориентируются, и сменят свою мерзкую, лицемерную сущность, вдруг станут теми, кого они недавно нещадно линчевали, можно сказать, уничтожали морально и физически. И в страшном сне не привиделось бы.

Время ещё было рано, мгла только что спустилась на холмы. Очертания деревьев: в обхват могучие кедры, пушистые ели и раскидистые сосны с переплетающимися их невинными берёзками, скал в дали, на которых ещё поблёскивало последнее дыхание закатившегося солнца, делали этот маленький мир божественным.

Как хороша природа, с чем её сравнить, разве только с ней самой, только в ней самой в совокупности воплотилось всё самое прекрасное, что заложено в душе человека, и опять же подаренное ему от рождения, той же природой.

Алексей привык к ней, к дикой. Неодолимая тяга всегда вела его в чащи леса. Пробираясь сквозь кустарники, смотря на возвышающиеся в небе, вершины деревьев, он забирался в самые непроходимые гущи, и постепенно, превращаясь из босоногого мальчишки в крепкого парня, начинал чувствовать, что это его дом, что он его знает. Знает и видит всё: следы зверьков и о чём они говорят, как поёт та, или иная птица, мог развести костёр в любую погоду и спокойно найти всё то, что давала тайга для жизни.

Службу прошёл на севере. В военкомате, увидев здорового мужика, с лицом мальчишки без всякого определили его туда, куда он хотел. Учебка, и вот она – «морская пехота», потом спец. отряд, от родной части ещё дальше на север.

Любимому делу отдавался без остатка. За годы превратился в отлитого из стальных мышц бойца. Но не за мышцы и умение владеть любым оружием, был благодарен он своим учителям, а за тот дух что впитали, и развили они в его сознании. И ни когда не забыть его первого учителя, помощника егеря: старый японец, бывший пленный, как он остался после войны никто не знает, но каждое лето, когда Алексей жил у деда, японец не отходил от него, и дед был, не против.

Чему он учил сначала ребёнка, а потом уже юношу, ни кто не ведал, и не знал, не брал он ни клятвы, ни обещаний, но воспитывал и учил так, что тот всё сам понимал, и ни когда не хвастал и не говорил ни кому о том, что мог и знал. Пропал японец неизвестно куда, ни кто и не искал, хотя дед неоднократно обращался в милицию. Но была записка, что я уезжаю к родным, уже старый, перед смертью хочу повидать детей, хотя ни когда не заводил о них разговора.

Японец – пленный бывший, сильно и не искали. Алексей скучал, частенько напоминал деду, когда приезжал, звонил и в письмах.

Тот хмурился, но что он мог сказать, что рухнуло всё человеческое в этой стране, и что жизнь человека ни чего уже не стоит, что также рухнули в пропасть все понятия о морали, о достоинстве, и тот кто держит эти понятия в своей душе, тому всё тяжелее и тяжелее жить там, где жизнь казалась будет вечна, в счастье и благополучии. Разве мог, кто из их поколения, сказать или даже подумать, что хлеб будет стоить больше 18 копеек. И то, что они

строили всей страной, окажется в руках небольшой кучки, и тех, кто наверху. А туда, по пёрли, кому не лень.

Ваучерное шоу Рыжего определило направление, и те, на ком лежал основной потенциал к созиданию благосостояния страны, остались у разбитого корыта, нищими и ни кому не нужными. Разграбление шло по полной программе. Понятие «человек человеку друг, товарищ и брат» ушли в историю.

И вот уже немало прошло времени с тех пор. Времена менялись, к власти пришли сильные. Страна медленно, но уверенно стала возрождаться из моральной, экономической, и общественной разрухи. Но только возрождаться. То, что вырубил топором, склеить не возможно. Только заново. И старое ещё долго будет смердеть перегноем.

Чуткий, как зверь он ни когда не отвлекался, даже вот таких минут отдыха, где он чувствовал себя в полной безопасности. Служба давалась легко, командование заверяло, что просто талант: как у композитора к музыке, как у певца к песне, а у него к военному делу. Вроде и личная жизнь появилась на горизонте. Но не суждено, Чечня, всё, что прошёл вспоминать не хочется.

Он переступил грань, которая отделяет каждого человека от бесстрашия, от полной уверенности в себе, посредством долгих изнурительных тренировок, постоянной работы над мыслями, и даром данным природой, как будто из другого мира послали его на эту землю.

Алексей встал, накинул капюшон, затянув верёвочки, что б ткань плотно обхватила лицо, но слышимость была отличная, где уши, там были сеточки. Куртку шили по его заказу, не говоря о всяких карманах и кармашках, было много всяких приспособлений нужных только ему. Целая неделя потрачена на изучение местности, он знал, что не зря, что всё это пригодиться Главное, не сделать дело, главное уйти. Вот и лесная дорога, видно по ней выезжают на гольцы, а там уже по бездорожью, в тайгу

Глухарь, косуля, сохатый – это уж точно, а подальше, скорей всего, и волк с хозяином тайги повстречаться могут. Губы тронула улыбка, вспоминая, что без мяса они на севере никогда не были. Стрелял он превосходно, скорей всего по интуиции, почти не целясь, лишь только когда брал в руки СВД, как к любимой, нежно ложился щекой на прохладный приклад. И вот он уже единое целое с этой убийственной машиной и там уже, тому, кто слился с прорезью прицела, не оставалось ни какой надежды, жизнь его определяли только секунды, от мягкого прикосновения пальца к курку, до нажатия.

До цели совсем не далеко, тишина уже не поглощала проникающие по распадку звуки. Место выбрано удачно, в нескольких километрах таёжная деревушка, два десятка километров до тракта, а там и до города рукой подать. При современной техники – это не расстояние.

Из природного камня забор, по верху обрамляла решётка, с вьющейся по ней колючей проволокой. Там за этим забором жил тот, кто знал, как погибли его отец и мать, и только чудо спасло младшего брата.

Весь город говорил о зверском убийстве, где вырезали всю семью, не пощадив даже ребёнка, которого после убийства не нашли. Но так как он бесследно пропал, решили, что убийцы гнались за ним и уже настигли вне дома. Что они с ним сделали и куда дели тело, следствие только выдвигало версии

Он знал то, чему не предавали внимания, и в их версию он не верил. И знал где искать его. Нашёл под обрывом, всегда они рыбачили там, когда приезжал в отпуск, но никому, ни слова.

Добирались до деда всю ночь. Там и рассказал, плача и бессвязно бормоча, в воспалённом бреду, что искали документы, забирали какие-то бумаги.

Прошли сутки, обессиленного, пережившего убийство своих родителей, они уложили его спать, дав дедовского настоя. И он сразу вернулся обратно. Понятно, это банда, но то, что убийство произошло с целью ограбления – это бред. Но он не обвинял их. Что мог сказать

следователю, что он этого человека чувствует и ошибиться не может. Именно чувствует. Вся информация только из писем матери, да разговора с ним.

А тот, кто знал, как погибли его родители, живёт за этим забором. Они много лет работали вместе с отцом в КБ, затем ушёл в бизнес, девяностые годы захлестнули его, потерялся, Раз встретились, весь склизкий, с постоянной подобострастной улыбочкой, он сразу не понравился, одни разговоры только о том сколько они могут заработать на разработках отца, и постоянно уговаривал его что-то продать... Родители не замечали ни чего, он нравился им своей предприимчивостью и деловитостью. Люди новой формации!

Но вскоре мать звонила, рассказывала, с отцом произошли перемены, он был постоянно хмурый, всё время нет дома. КБ давно уже не финансировалось, все разбежались, кто куда, а если и бывает дома, то уединяется с ним всё время, и разговоры всё о том же, доходит иногда до ссор.

Он благодарен был своим родителям, которые отправляли всю его сознательную жизнь, не в пионерские лагеря, а к деду, работающему в лесничестве. Видно у каждого есть своя карма, своя судьба. Алексей не раз задумывался об этом. Нашёл ли он свою? Почему его не влечёт, и никогда не влекло идти по стопам отца и матери, хотя учился он на отлично.

Здесь же, в своём мире, прошёл все азы военной науки, он радовался службе. Это было его призвание. И вот он в родном городе, в тот же день, после сообщения о трагедии, у него всего неделя, На самом верху дали ему эту неделю, Его настоящая работа не терпит отлагательств, от него и его парней зависит жизнь сотен, а то и тысяч людей. Но всё складывалось не так как, как планировали и там и как думал он, всё развернулось событиями, перевернувшими его жизнь. Он убедил, ему дали месяц. И вот он месяц уже заканчивается, клубок уже почти распутан. Он должен успеть..

– Может он ошибался? Может все, что он видел в этом человеке, плод его воображения? Он должен проверить, должен убедиться, может это не так? Но тогда сомневаться в себе. Предчувствие, которое ни когда не обманывало его, которое не раз спасало, не только ему жизнь, но и тем, кто был с ним рядом, вдруг подводит его? Нет, просто этого не может быть. Следствие видит только одну сторону медали, видит учёного, друга семьи и никто не заподозрит его, убитого горем.

Но он врал, врал следствию, врал ему. Не зная почему, Алексей заговорил с ним, на похоронах. В ту же секунду пожалел, тот мог догадаться о его подозрениях, что было совсем некстати, он как то сжался, что-то почувствовал, Алексей не смотрел ему в глаза, был уверен, что тогда он сразу всё поймёт, но в краткий миг, видел в их и страх и злобу. Похороны уже закончились, народу уже почти ни кого не осталось, не глядя на того Алексей ушёл тогда прочь, не сказав больше ни слова

Деду, поведал всё. Дед как-то молча всему сразу поверил:

– В меня ты пошёл Алёшка. Я его видел, этого, сразу понял, что здесь всё не так, страшный это человек, в войну такие были полициями, из-за страха или ради денег, маму родную продадут, сказал я тогда твоему отцу, и моему сыну. Может он и начал понимать что-то, но поздно видно, завяз в каких-то делах нехороших, их них,

– Да и стоит кто-то за ним, – задумавшись, произнёс дед – могущественный и близкий к власти. Осторожней внучок. Ну ладно, я как ты и сказал, уеду с Олежкой на заимку на месяц, два. Там побудем. Ни кто не знает, да и к тайге пусть привыкает, малец, на пользу будет. – С тем и порешили

Две недели Алексей потратил, что б убедиться в своих подозрениях. Ни одна милиция не сделала бы то, что сделал он за это время: целыми днями, на машине друга, отдав ему отцовскую, он следил за тем, и вот его труды увенчались успехом.

Встречи с какими-то нерусскими, явно не учёными, разговоры по телефону, (Алексей прослушивал их, привезя из столицы, японский сканнер и мощные жучки, которые подсо-

единялись к телефонной сети) проскальзывали слова о разработках отца, хотя в них ни чего не было подозрительного для посторонних людей, всё больше убеждали Алексея в причастности этого человека к произошедшим событиям.

Вот наконец он узнал о какой-то базе и вот эта база, это поместье с прислугой, с добротными домами для обслуживающего персонала, с конюшней, где красовались породистые скакуны. Какие деньги. Алексею наплевать было, кто и как живёт. Разве плохо, что люди стали жить лучше. Занимайся бизнесом, развивай его. Есть деньги, значит, есть средства для достижения своих целей. Один вопрос. Как они заработаны? Этот вопрос всегда на первом месте был у Алексея. И здесь всё было явно не в пользу «семейного друга».

Фотографии, которые он сделал с утёса, были вполне сносны, покружив вокруг, но так чтоб остаться незамеченным,

– Днём в поместье, что то уж слишком много народа, – размышлял Алексей сам с собой и это вошло уже в привычку за годы его службы, часто в одиночку, длительное время, выполняя ту или иную задачу. – Но всё не разглядеть – девственный лес так и оставался на территории прикрывая здания.

Но всё равно он уже хорошо знал обстановку. И вот пришла эта ночь, когда решиться должно было всё, развеяться должны были все его сомнения, но даже обладая богатым воображением, он не мог себе представить, сколько ему придётся пережить здесь, и сколько узнать.

Глава 2

До забора было метров двадцать, когда он услышал разговор.

– Ты видел, каких девчонок привезли —

– Да это не проститутки, как их заманили, даже не знаю, не нравится мне всё это. Вроде охраняю, как бы на работе, положено, но чувствую, что в этом доме что-то не то» —

– А ты не чувствуй! И меньше трёкай языком! Платят столько, где ты ещё заработаешь! —

Алексей внимательно разглядывал двух здоровенных парней, один даже выглядел по крупнее его и усмехнулся, вспомнив, как в детстве,

– кто больше, тот и победит, с тем лучше не связываться.

И какая была разница, когда знал уже настоящие схватки. Конечно, здоровье не мешало, но куда важнее было быстрота и дух и умение. Он не сомневался, что одолеет этих двоих легко, если только не попадётся такой же, как он, да ещё прошедший войну и понимающий, и испытывавший настоящий бой.

Когда идёшь в рукопашную, когда врываешься в гущу, с перекошенным от злобы лицом с пеной на губах; за кастрированных молодых юнцов, только что одевших гимнастёрки, и не опытных, отправленных на бойню. Русских девушек с распоротыми животами, но прежде изнасилованных. Не изведай он этого, не испытай, ни когда не поверил бы, что такое может быть в его стране.

Эти изуверы, почитавшие Аллаха, достойны были только смерти и лютой смерти. Но были и те, кто спас его и многих других, то же верили в Аллаха, Видно Аллах у них разный, но только казалось, что таких в этом народе единица. Видно война всё так повернула, вокруг кровь и смерть, и её, кажется больше.

– Может ты и прав, – сказал тот, что пониже ростом, – Время, какое-то собачье, и жизнь собачья, этот хозяин, я слышал, когда-то учёным был, а разговаривает, как будто вокруг него не люди, а скот»

– Да ты не обращай внимания, – ответил второй, – Есть такие. Появились деньги, да и понесли ботинки Митю. Сам то он ни чего из себя не представляет. Прикрывают его, и ясно – чеченцы. Часто здесь бывает один из них, где-то вроде в Кремле обосновался, чуть ли не депутат. Непонятно как-то всё. Война с ними, к ним не сунься, а здесь что хотят, то и творят, купили всех с потрохами и наверно и самого президента.

– Был в Москве, зашли покушать в гостинице «Спорт» Сидят напротив, два стола сдвинули, кричат, Пьём за маленькую Чечню, которая, еб... – говоривший хотел выругаться, но остановился, и через секунду продолжил, – язык не повернётся такое сказать, ну короче, которая имеет большую Россию, только кричали матом, и ещё всякую хрень, кидали бутылки на площадку, под ноги танцующим, и здесь же деньги туда бросали. Нате мол, нищие, на уборку вам. Я только приподнялся, меня сразу мои одёрнули, сиди и не рыпайся, видишь охрана стоит и ни чего не делает, бояться не их конечно, а то, что крайними останутся. Где ты такое слышал. Только в России такое может быть, потому что власть сама свой народ боится и ей выгодно, когда такое происходит, а если воспрянет кто, сразу обвинят в национализме, в разжигании национальной розни, не задумываясь о том, что человек устал просто от унижений и оскорблений в свой адрес, и в адрес своего народа, своей земли.

– Для чего прививали, – продолжал говоривший. – Всегда считалось святым, гордость за свою нацию и почитание её, и уважение к её традициям и истории. Когда в их адрес что то не то – всё, ты вурдалак и колом тебя осиновым, от своих же. А если они, так сразу – национальные меньшинства, отсталые нации – Тфу, сплюнул говоривший, выругавшись. –

Показуха!!! Справедливость должна быть. Любая нация всё понимает. И то, что плохо и хорошо, с рождения даётся.

– Недавно видел, как сам ихний, с Кремля, лично приезжал, с охраной, все нерусские сопровождали два камаза, сказали сахар. Зачем учёному столько сахара?

– Да как зачем? На Украине купил, здесь продал, вот и деньги.

– Да ты что брат. Такие деньги, которые здесь тратятся, сахаром не заработаешь.

Нормальные парни, а случись, что с их хозяином, какая-нибудь угроза и будут они молотить любого, не осознавая, и не задумываясь, что, может, защищают то убийцу. и негодяя. Вот так и получается, что и ему придётся с ними расправиться, встань они на его пути.

Посмотришь эти боевики, бух, бух, всех перестреляли, охрану перебили. А перебили кого? Вот таких парней, которые ничего может и не подозревают, чем занимается их хозяин и зачем пришли те, в кого они стреляют. Но здесь же и задумаешься о правоте такой. О чём думать? Когда свистят пули, когда летишь, как угорелый, молотишь с автомата направо и налево. В стан боевиков. Забрасываешь в окна гранаты. Что думаешь о детях и о женщинах, которые могут быть там? Думаешь только о том, как остаться живым, и что на секунду не успеешь, и всё, ты труп. Погибают быстро, в основном те, кто безвольно отдался на волю случая, но если ты переборол страх, и не думаешь о смерти – (убивает страх, ещё раньше пули), – и живёшь тем, что будет завтра, через день, через год, – жизнью, ты будешь жить.

А вот так-то, проще всего рассуждать, как поступили бы другие. Как поступил бы сам, вот главное. Но все равно здесь не война и он прежде узнает как можно больше, чтобы не пострадали невинные.

Высокий, накинул помповик на плечо и направился в сторону Алексея. Можно было шумнуть, бросив в сторону и подальше камень, отвлечь и напасть, но подумал, что его бы этим не провели и, распознав этот манёвр, человек может насторожиться ещё больше, да и вдруг они быстро очнуться, не убивать же их. Сейчас ситуация на его стороне, он их видит, слышит, и это надо использовать. Осторожно словно кошка, он распластался, ощупал место за деревом и, так же стелясь над землёй, перевалился за ствол толстой в обхват сосны.

– Что там?» – спросил его напарник,

– Ты знаешь, такое ощущение, как будто мы здесь не одни»,

– Осторожный», подумал Алексей и вспомнил, как ёжились под его взглядом боевые друзья, и смеясь, говорили: «как кролики перед удавом», что он обладает какой-то непонятной силой, но ему это было не нужно, и он ни когда не задумывался над этим. Алексей был до мозга костей реалист, Не задумывался и сейчас, и не предполагал, что невероятные способности помогут ему, независимо даже, от него самого.

Высокий отошёл. Охранники немного постояли и направились по периметру. Вряд ли это входило в их обязанности, гулять за территорией.

– А может здесь гораздо всё сложнее, – подумал Алексей

Подпрыгнув, он поймался за край стены, резко рванул себя, тело изогнулось волной и выбросилось вверх. На локоть, быстро перехватившись за решётку, он уже лежал боком на краю.

– Недоработки архитектуры, зачем ставить ограждения по верх, отступая от края на столько, что позволяло не только лежать, но и ходить по стене, придерживаясь за него. Только внешняя неприступность. Слившись со стеной, он стал наблюдать. На такое расстояние его могли различить только в бинокль, что было, мало вероятно, дом был освещён, и каждое движение было у Алексея как на ладони.

У парадного стоял Мерседес с затемнёнными стёклами, рядом приятно одетый мужчина разговаривал с женщиной.

Видно женщина собиралась уезжать, машина была заведена и женщина несколько раз бралась за ручку двери. Было, по – осеннему, уже прохладно, но одета она была легко. В руках красивая объёмная сумка. Она её то брала в руки, пытаясь положить в машину, то обратно вешала на плечо, скоро ей это надоело или в сумке было что-то тяжёлое, поставила на землю.

Нужно было осмотреться и подождать, но времени не было, лето хоть и напоминало о себе, но ночи всё равно уже были не так длинны, что бы забывать о них... Колочая проволока вилась по перекладине, поэтому взяться можно было только за прутья. Они были острые. Алексей обхватил прутья с боку, сжал их, уверенно приподнялся, бросил ноги в бок, сразу, оттолкнувшись руками от прутьев, мягко перелетел их, и приземлился на землю, прислушался, тихо, возле парадного продолжали говорить, воздух ещё полон был звуков.

Смешно, но как пригodiлось. Это увлечение осталось с детства. Он мог четвереньках, по собачьи, не только ходить, по несколько километров, но и бегать. Хотя получалось как то боком, зато быстро. Так и сейчас, почти на руках, бесшумно пробежал по траве метров 50 и застыл. Кто бы увидел его посторонний в этот момент, подумал, что мелькнула тень собаки.

Научил этому ремеслу его японец, мог часами упражняться в этом искусстве, Сначала Алексею было весело от таких скачков и перебежек старого деда, на удивление резвого. Бежать по траве, перепрыгивая валежники, вскакивать на ствол дерева, царапая его одереветелыми в мозолях, пальцами рук и ног, взбираясь, таким образом, несколько метров вверх, и уже сальто, и дед летел в обратную сторону, прыгая на Алексея, валил его наземь. Сначала было смешно.

– Дед, ты Тарзаном не был раньше? – хохотал Алексей Понимание пришло позже.

Глава 3

Уже можно было различить говоривших. Женщина была необычайно красива и грациозна. Платье было длинным, но не скрывало стройную фигуру, длинные ноги. Она говорила не торопясь, но жестикулируя, и каждое движение отдавалось вибрацией по очень дорогой ткани, платье было таким, как будто его и не было. Вот истинное волшебство мастера сделавшего шедевр, что видишь не только внешнюю часть, но и намного глубже. Странная женщина, ещё не зная её, толком не видя, уже ощущаешь необъяснимое волнение.

– Аслан придет, что я скажу? —

– Аслан, имя не русское и до боли знакомое – мелькнуло в голове. Он напряг слух.

– Он не придет», – ответила женщина, Я уже просто не могу сидеть, тем более я же не одна, дадите мне кого-нибудь с охраны..

– Марина Валерьевна, но вы же знаете, как это опасно, тем более ночь!

– Вы смеётесь Воронов, если я, кому-нибудь была нужна, так пожалуйста, в моём салоне, и почти каждый день, – женщина явно хотела уехать

– Но ваша Афродита охраняется, тем более днем, много народа.

– Афродита, – вспомнил Алексей, салон красоты. Так вот кто она, хозяйка салона.

Алексей стоял в тени деревьев. Он был на возвышенности, дом хорошо просматривался.

– понятно, что самого нет, но откуда столько людей, которые расхаживали в холле. – Сквозь приоткрытые шторы, в комнате, справа мелькнули силуэты нескольких человек

– Охрана на верное.

Быстро осмотрев дом, ничего больше не заметив и не выпуская из виду говоривших, он продолжал их слушать.

Никогда не узнаешь столько интересного о человеке, даже общаясь с ним, чем вот так, наблюдая за его жизнью со стороны, слушая тех людей, кто его окружает. Объёмная информация, хоть и пока поверхностная.

– Но уже жить можно, уже кое, что, посмотрим, что будет дальше.

Охранник, теперь Алексей уже знал это, убедил собеседницу. Вероятно, женщина тоже понимала, что было из-за чего волноваться, согласилась, сказала водителю, взяв от туда накидку. Мерседес тронулся в сторону ворот, и они с мужчиной пошли в дом. Люди, находившиеся в холе, их было трое, поднялись, что то ответили на вопрос Воронова (видно он начальник охраны), который жестом посадил их на место и присел рядом. Женщина, стала подниматься наверх.

Нижний этаж скорее всего служебный. Алексей уже принял решение, как можно больше разузнать об этом доме, об этих людях. И чем-то нехорошим здесь пахнет. Он слышал, что привезли девчонок, но почему ни кого не видно, только мужские силуэты, ни девичьего воркования, смеха, когда в обществе много женщин – это сразу заметно, а в окнах, мужские голоса и ни каких женщин, кроме одной. И лица мужчин, какие то хмурые, сосредоточенные. Не похоже, что здесь веселье намечается.

– Узнать куда направляется эта красотка, – в мыслях, он называл её уже так. – Может получится.

Дом был выполнен в стиле барокко. Выступы, арочки, причудливые, завитые. И всякой всячины в обрамлении стен и окон. Но красиво! Можно легко подняться на второй этаж.

– Но куда?

Второй этаж был весь освещён,

– Даже если она и зайдёт, в какую ни будь комнату, то надо облазить кучу деревьев, что б что-то увидеть.

Быстро надо было обследовать другую сторону дома, пока она не поднялась, – и ещё, с лестнице, что то говорила, находящимся в низу.

Прижимаясь к земле, под защитой подстриженных разросшихся кустарников (садовник был мастер своего дела), Алексей обогнул дом. Освещения на втором этаже не было. Если повезёт, то можно залезть и на дерево.

Эта сторона дома была как ночь. Деревья подходили почти в плотную к дому, когда строили, не истребили девственный лес, и видно хозяева любили созерцать его таким, какой он есть, в любое время суток, свет лился только по периметру забора в метрах шестидесяти.

Во втором окне от угла вдруг загорелся свет.

– А это уже скорей всего она.

В одно мгновение он уже достиг первой ветки, схватившись за неё, перекинул ноги и уже сидел на ней. Теперь не было ни каких проблем подняться выше. Сосна была старая, ветки толстые, Можно хоть часами восседать, опереться спиной в ствол и наблюдать, что происходит за окнами.

Со вкусом отделанная комната, дорогая мебель, диван, но не спальня, скорей всего похожая на кабинет. До окна было метров пять, он хорошо видел сосредоточенное лицо хозяйки. Она подошла к сейфу, Алексей старался смотреть на сейф, видя её только боковым зрением, но не одно движение её, не ускользало от его внимания, за годы тренировок он владел этим искусством превосходно. Обычному человеку всё это кажется просто, но пусть попробует он, смотря человеку в глаза, разглядеть, что справа и слева, до подробностей.

– Если бы кто сейчас снизу смотрел, то её не было бы видно, поэтому наверно и не опасается. – Улетевшая на диван накидка, и следом соскользнувшее платье.

– Боже! Она не носит белья! —

Женщина подняла руку, убрала волосы назад отчего груди её шевельнулись, села на диван, смеясь поболтав в воздухе ножками, встала.

Алексею показалось, что он сейчас свалиться с дерева, что то сладкое, умри, говорят шуткой, сладкой смертью под машиной с сахаром, но это было в сто крат слаще! Видение длилось мгновение. Зашла за штору, которая волнами бархата свисала с краю окна так, что она прикрыла её оголённую, и только краешек загорелого плеча и прелестные нежные руки, но почему то необычно мускулистые при движении, и силуэт, накидывающий на себя что то. И вот вышла уже в ночном пеньюаре и здесь же скинула его, стала любоваться собой перед зеркалом, на ней был соблазнительный спальный костюм

Чулки спущены, в руках размахивала трусиками. Это уже было слишком. Алексей прикрыл глаза, растворяясь в прекрасном видении. Хотелось, что б это не кончалось. Ни когда такое не испытать, и не увидеть в обычной жизни.

Вот почему скакунов перед скачками держат закрытыми в конюшне, что б они не увидели кобылу, а иначе не видать победы. Все силы потеряет жеребец, если случится обратное. Алексею стало смешно. Слава богу, что он не жеребец. Люди умеют справляться со своими чувствами.

– Она, наверное, ждёт мужа вот и играет перед зеркалом, как предстанет перед ним. Женщины – кокетки, для них жизнь театр,

– Но я то, тоже хорош. Получается, подглядываю, как женщина раздевается. Но не за этим же залез я на дерево. Может потихоньку крикнуть ей, что б трусики надела, я мол сижу в засаде, сосредоточиться не могу.

А она, то подходила к окну, то вновь удалялась в глубь комнаты, включила музыку. Это было так близко, так не обычно, вскидывала ножки, кружась по комнате. Как у балерины, они взлетали вверх, плавно и изящно, обнажая пушистый, золотистый холмик, почти

открытая грудь, колыхалась в ритм движения, обвораживая и маня к себе. От этой картины, написанной конечно волшебником, невозможно было оторвать взгляд.

Наконец остановилась, возбуждённая и манящая, дёрнула штору и подошла к сейфу.

Им овладело волнующее удовлетворение, что просто ему везёт сегодня, хотя всё, чего он добивался, всегда доставалось нелегко. Но сейчас сосна, оказалось, выросла там, где надо, в таком месте, где ему хорошо была видна дверца сейфа, и она стояла к нему боком, и задёрни она шторочку, хотя бы на сантиметр дальше, и не знать бы ему то, что он увидел. Скользнув в один из карманов, которыми была напичкана куртка, он достал портативную камеру, быстро навёл, приблизил.

Она подняла руку, достала что-то с боку, с книжной полки, он увидел ключ, вставила его, стала набирать номер.

Ну, такой удачи он просто не ожидал! Видно спокойная жизнь за каменным забором, в окружении охраны, накладывает свой отпечаток на поведение здесь проживающих.

– Вот она заветная мечта любого вора-домушника, – Алексей засмеялся в душе, – но он не вор, смотря на всё это, он и в мыслях не посягал на то, что увидел, но удивился, почувствовав приятное волнение, скорей всего от проникновения в чужую тайну.

Открыв сейф, быстро вынула какие-то документы из стоящего рядом шкафа, положила их туда, хотела, было уже закрыть, но опять подошла к шкафу, достала рюкзачок, белый, или сумку, положила в сейф и закрыла. Было такое ощущение, что женщина куда-то, что-то готовила, но уехать не получилось, вернее она и сама не сильно хотела по каким-то причинам. Может поздно, холодно или ещё что. Он почти не дышал.

– Только бы не сорвалось, только бы она не сделала ни какого движения перекрывшего ему видимость. Когда открывала сейф,

– 30 вправо, четыре оборота, – 85 влево, три оборота, затем 46 вправо, два оборота и 62 влево, один раз. И не записав на камеру, он бы и так запомнил эти цифры. Какое-то неприятное чувство скребло где-то под ложечкой.

– Ну и что. Это дом врага, где гарантия, что они не заодно. – В жизни не брал чужого.

– Но ты же и здесь ничего ещё не взял, – мысли путались в голове, каких – то два человека боролись друг с другом: один, которому с детства внушали, что добро и что зло. Другой испытывавший уже не мало в жизни, познавший смерть близких, лицемерие и коварство общества, а именно лицемерие и коварство проходимцев пробравшихся к власти, и даже предательство. Что не допустимо, как он считал, должно быть в любой стране.

Он ещё не знал, что скоро ему придётся это сделать, И что не будет считать это воровством, это будет начало расчёта за все злодеяния, что творили эти люди.

– Всё хватит. Желваки заиграли на его лице. Определиться хватило, только подумал о родителях.

Она опять открыла штору, приоткрыла окно. Свежий ароматный воздух, настоявшегося леса, мог одурманить любого.

Сейчас он мог её хорошо рассмотреть, боясь, что она почувствует его взгляд, тем не менее, не мог оторваться. Чудный изгиб шеи, божественное лицо, на котором приоткрытый, чудных форм ротик, приподнятые, припухшие губки, открывали манящую глубину, из которой поблёскивали белоснежные зубы.

– Вот дал же бог красоту, ещё б душу такую же. Только редко эти две жизненные формы совместимы, – подумал Алексей. Её взгляд, как будто наполненный слезами, такой он издавал блеск, отлитый синевой в тот миг, когда светлые густые ресницы открывали его задумчивость, и он струился в пустоту чёрной ночи.

Она почти повернулась к окну, и Алексей видел взволнованную грудь, чуть прикрытые сосочки, приподнимались маленькими, манящими, холмиками, которые не скрывала нежная ткань её одеяния.

– Задумалась. О чём то волнующем. —

Глаза его смотрели, а слух делал своё дело. И он услышал, как из глубины леса, что-то двигалось: вдруг хрустнуло, и ветка оттянутая и хлестнувшая по другой. Снизу его хорошо прикрывали густые хвойные лапы сосны.

Женщина вздрогнула, лицо её побледнело, она устремилась к окну. Алексей прижался к стволу, замер. Явно кто то пробирался в темноте.

Потух свет, открылось окно. Она была совсем близко. Ему показалось, что он окунулся в нежный аромат её духов. Навалилась на подоконник, длинные белые локоны спадали вниз.

– Кто здесь? Я спрашиваю, кто здесь? – Загорелся фонарик.

– Извините Марина Валерьевна. Я делаю обход, да надо ещё собак выпустить.

– Без света, под моими окнами, это вы такие обходы делаете. —

– Да что-то фонарик барахлит. —

– Кто вас послал? Воронов? —

– Да нет. Это наша обязанность.

– Обязанность. Завтра разберёмся с вашей обязанностью, – сказала она резко. – И собак не спускайте, люди придут, —

Алексей затаился.

– Вот сучка. Как будто почувствовала. Воронов будет недоволен. Из темноты появился второй.

– А мы то причём. Я давно приметил это дерево, но постоянно шторы закрыты, сейчас пока шёл, были открыты. Но ты видел, что твориться? Телепатка она, что ли какая? —

– С их ней группы здесь ни кто не бывает, только мы. Она знает, что кроме нас некому здесь ходить, что так разволновалась, ну и что что ходим. Это наше дело. Настроение плохое что ли.

Алексей усмехнулся, он понял, чей взгляд женщина почувствовала, и он напугал её. С одной стороны они даже помогли ему. И ещё какая-то группа охраны.

– Что делаем?

– Пошли теперь уж! Кабинет его рядом, в крайнем случае, скажем, что делали осмотр окон его кабинета, хотя там сигнализация, чего боится.

Алексей понял, говорят о кабинете хозяина.

– Значит кабинет рядом. Пока всё неплохо. Однофамилиц у меня здесь. Подумал он.

В комнате опять за жёгся свет. Двое сразу устремили туда свои взоры, но шторы уже были задёрнуты.

– Вот с кем покувыркаться-то! – Услышал Алексей опять разговор двоих.

– Покувыркаешься на погосте. приглушённо ответил ему второй. Муженёк то её что, сам по себе гнилой и трусливый, всё дело в Арбекове, он всем здесь заправляет, да и её скорей всего к нему приставил, а он в ней души не чаёт, с ума сходит – Голоса были приглушённые..

– Что у них общего с этим абреком?

– Как что? Учёный. Что-то разрабатывает, а тот себе это в пользу делает. Кто её знает, всё деньги в этом мире правят.

– Верно. подумал Алексей, – Правят то деньги, но почему многие забыли такие понятия: как настоящая дружба, верность, добродетель и в конце концов из-за чего дрались на дуэлях не страшась за свою жизнь и не дорожа ей, если была поругана честь. А что сейчас?

Но пройдёт это время дьявола, хотя всегда будет добро и зло, покуда живо человечество, и вечная между ними битва. Вопрос – кто победит.

– Значит Воронов ведёт свою игру, – Алексей не сомневался, что эти двое, которые остались с Вороновым в холле. Действовали они скрытно.

– Интерес видно не шуточный. Или с целью шантажа, или деньги, хотят, или что-то увидеть, – подумал он.

Уже раздирало желание ворваться в это осиное гнездо и напрямую выяснить, что здесь происходит, взять за шиворот этого Блаженкина, и в глаза спросить его обо всём. Хотя велось следствие, убийц до сих пор ещё не нашли, и не найдут, не там ищут. А о разработках отца знал только он.

– Такой дом, с такой охраной. Нефтью он не занимается, а деньги бешеные. Сахар? Глупости всё. И надо бы проверить, что за сахар! Не зря, даже охрана засомневалась! – Все эти мысли переплетались в голове Алексея, выискивая верное решение.

– Пойдём собак спустим. Здесь всё равно делать нечего! —

– Ты чево? Сказала же хозяйка не спускать, кто-то приедет, вроде Аслан.

– Вот чёрт, тогда придётся всю ночь шастать, не поспишь.

– Да кому что здесь нужно – глухомань. Что первый раз что ли? —

– Ну ладно пошли хрен с ними.

Охранники ушли.

– Нужно, что-то предпринимать. Хорошо всё складывается. Он даже не ожидал, что столько информации, за такой короткий промежуток времени.

Дело хоть и к осени, но листва ещё не опала. Здесь в долине, окружённой горами, красота неописуемая. Чуть – чуть, неуловимым оттенком, начинал пробиваться аромат затухающего лета, воздух такой, что будто пьёшь его, а не дышишь.

А ещё говорят, что деньги зло. Попробуй, возьми здесь участок, да ещё и построй. Для многих это удовольствие на болотах, рядом с химическим заводом, в зачуханных квартирах, квадратов на сорок, для всей семьи с бабками и дедками. Особенно самым немощным, инвалидам, старикам, верующим в добро и справедливость, и не способным зубами выгрызть то, что по праву принадлежит им, за десятки лет иногда и каторжного труда в шахтах и подобных заведениях Советской России. И, сейчас живя на скудную пенсию, которую им не дают по несколько месяцев, им бесполезно даже и мечтать о чём то, нормальном для человека. А у всех же ещё и дети. Вот она забота.

Мысли вихрем вертелись в голове. Жалко было уходить, но и наделать шума, просто не желательно.

Протяжный сигнал автомобильного клаксона разбудил тишину. Кто-то приехал, значит с собаками теперь точно задержаться.

Женщина вновь отдёрнула штору, задумчиво смотрела в окно.

Надо спускаться с дерева, пользуясь темнотой и лесом попробовать узнать, кто приехал, но почему она не уходит, неужели, сейчас тот, кто приехал, придёт к ней и скорей всего так, и она знает это. Может муж. Разговор про какого-то Аслана. Знал это имя.

– Но не реально.

Да и спускаться рискованно, совсем близко, окно приоткрыто, если услышит, подумает, что птица или зверёк, но всё равно насторожится.

Алексей ждал. Он не ошибся. Вошёл человек. Строгий чёрный костюм, белая рубашка, кудрявая борода окаймляла его широкоскулое лицо кавказского типа, хотя кожа была совсем светлая.

Узнал его сразу, узнал по одному лишь движению, как только тот вошёл в комнату, по страшному шраму, от нижней губы к подбородку. Но он знал и помнил этот шрам.

Всякий раз, уходя в разведку, там, в горах, бойцы шутили.

– Берём Лёху, не надо прикладом бить духа, хватит его кулака. Не знал он, что за сила в его руках, и не только в руках во всём теле, видно природой так дано, ещё в детстве он боялся драк только из-за того, чтобы не нанести увечье. Даже, когда защищал соседского парнишку, он ударил одного потом второго, взрослых парней. Родители, чтоб не разводить скандал, заплатили потерпевшим, за сломанные челюсти, и больничные листы.

Отец не ругал его, только сказал, что не надо так сынок, будь аккуратней, и не приноси вреда своим родным.

Мысли о матери и отце всегда сопровождались болью. Где-то там, далеко внутри, начинало щипать и ныть, поднималось чувство обиды на мир, на злое время. И ничего уже не вернуть назад, не исправить. И он должен найти и отомстить за родных, или иначе нет смысла жить, значит так и будет и дальше позволено этим вырождакам безнаказанно убивать. Слезы давили, он сжал челюсти, набрал полные легкие воздуха, что есть силы напряг тело, затем расслабил. Успокоился.

Да это был Аслан.

– Но почему он здесь? – Как понял Алексей, это и есть Арбеков. Неужто он депутат, просто этого не может быть, минимум, что ему грозило – это пожизненно, равносильно, что убили. Как он оказался здесь. Быть в розыске. Значит под другой фамилией. Хитрости и коварства ему не занимать.

Помнил Алексей, как обвёл он вокруг пальца федералов, как мирный житель, сутулясь, в мешковато грязной куртке, он помогал, как будто сам только что вылез из под завалов, Вытаскивал, спасал людей. Ошибку допустил, узнала его одна из спасённых, залилась диким воплем, на её глазах измывались он и его люди над ней и её дочкой.

Вмиг превратился в зверя, круша всё на своём пути. И ушёл бы. Кулак Алексея застал его врасплох. Он его и не увидел, удар был молниеносным, в прыжке. Особисты говорили потом, что не верил Аслан, пуля, говорит, попала ему в скользь, раскроила челюсть, а так бы, не взяли.

Но ведь ушёл тогда, растворился бесследно, предатели были, а кого только не было там, за деньги многое делалось. Хоть и говорят, что нищие офицеры, денег не платят, дома семьи в хозяйских квартирах, или в общагах, брошенные Государством на произвол судьбы, но ни что не может оправдать предательство Родине. Только где она Родина?

– Да там, где живут твои сестра и брат, где могилы твоих предков, Родина – она впитана с молоком матери.

Так считал Алексей, но понимал, что продаются то не те нищие, забытые, на пару с солдатами драившие окопы пропотевшими гимнастёрками. А как раз совсем другие, с отстроеными особняками за миллионы долларов в Подмосковье, за взятки и не выданные зарплаты, истинных боевых офицеров. Да такие, как новоиспечённые коммерсанты, вдруг ставшие неизвестно по каким причинам, у безопасности страны. Продавая эту безопасность направо и налево, вытаскивая из тюрем бандитов и меняя их на пленных русских солдат, благое дело, да только за денежки, которые Государство выделяет на выкуп этих солдат, и которые они кладут в свой карман. А это миллионы долларов.

Берут беспроцентные кредиты, поиграв в теннис кое с кем и конечно проиграв, будь ты даже чемпионом по этому виду спорта.

– И вот он, Аслан, рядом с Блаженкиным. Трусливая жадная мразь, хоть и учёный, и боевик. Интересно, что их связывает? —

В голове мелькнула мысль, как ножом прорезало.

– Разработки отца. Вот он нешуточный интерес, и интерес, по указанию. Бандиты направляли его, значит, развязка уже была предрешена, и этот гад всё предвидел, с самого начала

Теперь он уже точно знал, что не должен уходить. Что б наказать убийц, нужно во всём разобраться, пока судьба даёт ему такой шанс. Он уже не сомневался, что было причиной неприятностей, хотя отец и милиция, после его смерти, не реагировали на его слова.

– Просто, это у вас личная неприязнь, а личная неприязнь – это не факты, – помнились слова следователя

Аслан зашёл с дипломатом, попросил Марину закрыть окно. Она, засмеялась, задернула шторы, но окно не закрыла.

– Интересно, как он просто заходит к чужой жене в спальню, пока мужа нет дома, неужели такие доверительные отношения, ведь как, никак, она уже приготовилась ко сну и соответствующая одежда делала её ещё прекраснее и соблазнительней, и особенно не для мужа.

Разговор между ними, хоть был и не громкий, но разобрать слова можно было.

– Где твой то?

– В городе, в КБ. Ты разве не знаешь, сам же сказал ему не выходить оттуда, пока не будет результат.

– Какого чёрта он тянет, ведь готовые формулы взял, что ещё надо. Да и оставь у себя пока это. Аслан указал на дипломат. Сейчас ехать по делу, не хочется таскаться. Завтра заберу. Только закрой в сейф, очень важные документы, не дай Аллах кому увидеть это.

– Изменяешь ты себе Аслан. Когда видано это, чтоб такие важные документы оставлял даже у меня – голос её звенел играючи, переливаясь мелодичной кокетливой музыкой.

– В данный момент здесь самое спокойное место, и что теперь мне скрывать от тебя, вместе уходим за бугор, мы с тобой теперь повязаны до мозга костей, как говорят русские, да и доверять мне уже не кому, кроме тебя. Что там ещё, по твоему муженьку. Моя дорогая Лаймачка – Аслан усмехнулся.

Слышно было, что в ответ она что-то прошипела недовольно.

Алексей напряг слух,

– Показалось. Что ли.

– Не все бумаги нашлись, говорит он, остальное приходится дорабатывать, Не получилось обыскать весь дом, из-за того тупицы, которого ты отправил, всё и сорвалось, не мог обойтись до конца без выстрелов. И мальчишку-то упустили, только странно как-то, не слуху, не духу.

Алексей весь напрягся, было ощущение, что волосы зашевелились на голове, от жуткой догадки

– Что это они говорят. Не разобрать правда всё.

– Ну ладно успокойся, – услышал он голос Аслана. – И про дипломат не забудь.

– Да не забуду! И посмотрю ещё!

– Да смотри, это теперь наше, там номера наших счетов в офшорах. Заживём милая, ты же ведь давно хотела покинуть эту страну, вот и сбудутся твои мечты.

– Вот тебе и Лаймочка, – подумал Алексей, – но всё равно, как красива чертовка, по имени скорей всего с Прибалтики, но нет акцента, видно с детства в России. Стоп, а почему Лаймочка, Ведь Марина Валерьевна вроде, слышалось наверно, или по своему он её так называет. Но красива.

Слышал он про красоту неписаную. Там, на войне снайперша работала, первоклассный стрелок, немало положил парней, да била стерва в то место, что если и жив оставался, то ни на что уже не годный. Слухи шли, красоты не земной, но ни кому не удалось так её и увидеть.

Засекли, били с пушек, нашли потом, от красоты только тело девичье бесформенное, остатками прилипших окровавленных кусков ткани. И если та такая же красotka, то по истине бог вселил в красоту дьявола. Дьявольская красота. Не зря наверное так говорят.

Разговор продолжался, но уже бесцельный.

Они не опасались, если бы кто-то стоял внизу, он бы не слышал слов, но у них и в мыслях не было, что этот, кто – то, мог стоять за стволом дерева, прямо напротив окна, на их территории и, по их мнению, жёстко охраняемой.

Первым желанием было, щучкой влететь в окно, ударом развалить Аслана, а потом уже выбивать из него, что это за формулы, и что это застрелявший тупица, и в кого стрелявший, и где это было.

– Что-то про мальчишку сказали. Эх чёрт, не расслышал всё. – Но сразу же сумятица мыслей, свилась в одну, холодную и рассудительную.

– Даже, если это они: есть пособник-предатель, есть исполнитель и конкретный организатор. И без доказательств, он будет всю жизнь сомневаться и казнить себя, если убьёт их, прежде не заглянув в их глаза и не услышав слова признания, потому что иначе, даже умирая, они будут знать, что он не уверен, прав он или нет до конца. И сомнения, всегда порождают слабость, если конечно ты не маньяк-убийца.

– Да и она. За что он должен расправиться с ней, хотя, похоже, повязана с ними. Все заодно.

Алексей уже не сомневался в способностях этой парочки. Нужно было что-то предпринимать. В данный момент самый лучший вариант – это разведка. Всё выяснить. Для себя. Но как? Разведка боем, только это и осталось, – усмехнулся с иронией. Мысли варились, сжимая, давя на виски. Больше инстинкт, но и отменная выучка, определили решение.

– Первое: нужны деньги, они есть, напротив, в комнате. Дипломат. Там документы, счета может, конечно, и что-то интересное, посмотрим. Стоп! Что он говорил про дипломат? Что-то странно очень. Зная, что это за человек, можно задуматься о такой его простоте.

– Бежать собрались за границу. И как говорится, ежу понятно, вдвоём. Конечно, она красива, но Аслан, он кавказец, повязан со своими клановыми отношениями, кровными узами. Бросить всё и сбежать с женщиной? Любовь? Навряд ли. Что-то здесь не то, Да и такой человек, как он, избавится от лишней ноши. Избавится он и от Блаженкина, как только тот станет не нужен. Вот и от женщины этой, ... что-то доверчиво легко он рассказал о счетах банковских, о важных документах, ещё и дипломат, наверное, не на шифровом замке. Тревожное чувство мелькнуло в голове Алексея. По спине пробежал лёгкий морозец. Так всегда, перед опасностью, перед рывком навстречу смерти, он ощущал это.

Они видно закончили все свои дела, женщина подошла к окну открыла шторы, вдыхала свежий ночной воздух. Аслан подошёл сзади, взял её за плечи.

– Что такой задумчивый? Спросила она.

– Да так. Вздыхнул он. Ты знаешь, всякое может случиться. Так, если вдруг я не появлюсь после нашего дела, ты одна езжай. И не возражай – остановил он её жест. Дипломат возьмишь с собой. Там всё есть, разберёшься сама. Там хватит на всю жизнь, ещё и останется. А я, думаю, всё нормально будет, подъеду позже, как все дела разрешатся.

– Интересно, что может случиться? У тебя, что неприятности. —

– Да нет, всё окей, но сама знаешь, что время поменялось, и уже кое что не в нашу пользу. Да! Охране дай денёк отдохнуть, скоро они понадобятся для дела, великого дела! Пусть отдохнут, а то ещё заартачатся. —

– А как же муженёк мой? —

– Он всё знает, билеты куплены, добираться будет своим путём.

– Вот так да! – Подумал Алексей, – Они летят втроём? Вообще ничего не понять. Значит, зря он усомнился в Аслане, всё же к женщине он видеть не равнодушен, а Блаженкина берёт продолжать свои опыты.

Но как услышал Алексей из их разговора, пока ни чего не получается, не хватает каких то документов. Отец работал над созданием какого то вещества, которое, как он иногда возвышенно говорил – «спасёт мир», не о нём ли речь.

Оставшиеся документы забрали оперативники. Убийца по глупой случайности и не знанию забрал только папки с документами, а разбросанные по столу и на полу бумаги просто не удосужился даже и посмотреть. Прошло уже около месяца, а у Блаженкина ни ничего не готово, и раз нет формул, то и не будет.

– Зачем тогда Аслан берёт его с собой? Глянуть бы на эти документы, с которыми работает эта мразь, может бы, и прояснилось всё. может совсем о других бумагах здесь речь, хотя глупо думать так. И что-то про охрану странно сказал. Не понятно.

Он продолжал слушать, и мысли эти проносились с невероятной быстротой, не отвлекая его, как будто всё шло само собой.

Аслан наклонился, коснулся губами её шеи. Она отстранилась.

– Что перед глазами охранничик молодой. Неужели запала. Или так, для счёта.

– Иди, иди, – досада появилась на её лице. Разберись лучше со своими. А то с этой наркотой...

Женщина сказала, что пойдёт к себе, прикрыла окно, свет потух.

Через минут пять Алексей увидел, как с другого края здания, на втором этаже, появился свет.

– Наверное, там конкретный спальный вариант, а здесь кабинеты, но тем не менее со постелькой, надо проверить потом, ну а сейчас решить проблему с деньгами. Если Аслан уедет, то могут спустить собак. Нужно торопиться.

От ветки, где она не сломается от его веса, до окна было метра четыре, пролететь это расстояние не мыслимо, не наделав шума, ели ветка обломится, да и разбег хороший нужен.

– Откладывать нельзя.

Высота небольшая. Спустился до нижней, повис на ней и вот уже на земле, мягко перекатился, стоя в стойке, как для нижней подсечки, замер, прислушался. Кругом стояла тишина, только приглушённые, еле слышные звуки, говорили о том, что дом ещё не спит.

– Нужно найти лестницу, трубу, доску, что угодно, но только быстро.

Сознавая, что на это он потратит, скорей всего, много времени, Алексей осматривал стены дома. По самому углу шла труба водостока, но до нужного окна ещё одно. Парапет. Ели прижавшись лицом к стене, на носках попробовать пройти, даже и сорвусь, каких-то 4–5 метров, земля мягкая, трава, отмостка всего метр. Попробую-

Подняться по трубе труда не составляло, крепления были надёжно ввинчены в стену и через метр на каждом стыке. Парапет сантиметров 30.

– Нормально-

Алексей прижался к стене

– Только бы не сорвался с краюшка —

Он почти пальцами ног цеплялся за него. Что сорвёшься, не страшно, высоты он не боялся, но нежелательный полёт мог сорвать всё, наделать шума, могли пойти и охранники, те двое проверить, не горит ли окошечко желанное, в комнате девушки, готовящейся ко сну.

– Уроды – Да и девушка, как выяснилась, «хороша.» Правильно говорят: «Яд всегда в красивом флаконе» – подумал про себя.

– Но специально за этим, не полез бы-

Окно было просто прикрыто, видно хозяйка вышла ненадолго. Комната была в полумраке, Огромный шкаф – купе с зеркалами, который он не видел в окно, комната была разделена на две, за отодвинутой из тяжёлого бардового бархата ширмой, оставалась только плотная тюль, с рисунком, стояла шикарная кровать, с балдахина спадали кружевные занавесочки.

– Да не просто кабинет, а кабинет спальни Достав фонарик, Алексей зажал его зубами, вогнал в скважину ключ, который оказался на месте, и только светил тонким лучом, когда набирал шифр.

Дверь сейфа легко открылась. Сейф, с примитивной сигнализацией.

– Звонок, но им видно лень лишний раз нажимать кнопку, да и кто полезет, ну да ладно, нам меньше хлопот.

В белой сумке, несколько каких то бархатных пакетиков. Рюкзачок был уложен в красивый, довольно плотный целлофановый пакет. Алексей вынул его, довольно тяжёлый, раздвинул ляпочки, затянутые и довольно туго. Обомлел. Никогда не держал в руках и не видел столько денег, разве что в кино, да и не нужны они ему были. Сколько там смотреть времени не было. Может и дипломат полон денег. Алексей положил пальцы на замки, они легко открылись. Щелчок замков пробил его как выстрелом, он замер.

– Верно, когда столько денег теряешь разум, спокойно парень, спокойно, и замки почему то открылись, не на шифре. Ладно. Потом разберёмся, проверить сначала надо.

Закрыв замки дипломата, подошёл к шкафу, отодвинул зеркальную дверь. Пахнуло обворожительным ароматом чистого женского белья, в духах он не разбирался, но от таких, голова пошла кругом. Нижний отдел, размером почти с его рост был завешен платьями, кофточками, здесь же висели кожаные пиджачки, и ещё много, много женской всякой всячины.

– Неплохо, но это не то.

Нужно было срочно найти сумку. Вещи заносятся и уносятся, в любом случае должна быть где-то объёмная сумка. Он нашёл её на верхней полке, над платьями, раскрыл, уложил дипломат и всё остальное.

– Ну всё можно уходить, лишь бы не помешали, желательно прежним путём, хоть и рискованнее, хотелось быстрее, через лес, до забора, а там тайга – матушка, там его не сыщешь. Но что там? Вдруг колючка намотана так, что сходу и не проберёшься, или ещё что на придумывали. А пока ему невероятно везло и везло лишь потому, что ни на кого ещё не нарвался.

Оказавшись у окна, посмотрел сквозь щель в шторах. Глаза, привыкшие к темноте, различали очертания деревьев, и вроде не так и темно. Подумалось о собаках

– Если выпустят, жалко их будет. Но не должны, пока не уедут все. Скорей всего так. —

Сейф закрыл, ключ на месте, отпечатков нет, – он до совершенства довёл, не оставлять за собой следов. Хотя кто здесь будет проверять отпечатки. Как говорил его учитель и тренер:

– Ты боец, но не только боец, но и учёный. Мысль твоя должна работать молниеносно, по ходу действий, по обстоятельствам, и работает она у тебя правильно, раз выходишь сухим из воды.

Алексею приятно это было слышать, но он знал, что во многом заслуга в этом не только его, а его родителей, то бишь наследственное. Его деда, бывшего военного, с феноменальной памятью, знавшего два языка, в совершенстве, и мог говорить и понимать восточные языки, но ушедшего с дороги своего призвания, как думали все, окопавшегося в таёжной глухой деревушке и наслаждавшегося работой егеря, и воспитанием внука.

Хлопнула дверь, Алексей отошёл от окна, приник ухом к замочной скважине. Это была Лайма, она что-то сказала, скорей всего тем, кто находился внизу и пошла в сторону комнаты. Алексей слышал приближающиеся шаги. Быстро взяв сумку, встал за ширму

– Если она вдруг за благоволит прилечь, тогда он влип, или придётся прилечь с ней вместе. Усмехнулся А как не хотелось грубо обращаться с женщиной, сдавливать нежные руки и рот скотчем, да и оглушить придётся.

Дверь открылась, включился свет.

– Вот он где. – Слышно было, как она набирает номер.

Шесть раз пикнуло, вдруг не городской.

– Если оставит телефон, можно узнать куда звонит.

– Здравствуй Володя. Да был Аслан, сказал, что Арбеков не приедет, будет только через неделю. Да не беспокойся ты, что может со мной случиться, всё будет нормально. За себя беспокоись. Что так? Не переживай. Скоро едем. Да все вместе. Встретимся уже там милый. В Европе. Пока – и она захлопнула трубку.

– С тобой бы не случилось идиот»

– Да-а-а... знал бы муженёк, что творит его жёнушка.

Она стояла на свету, отделяла только тюль и собранная массивная ширма, её лёгкий пеньюар, как длинное с неплотной тканью платье просвечивал насквозь от висевшей напротив её бра. И он не мог смотреть, видел только пространство вокруг её. Ночной костюмчик, сняла наверно в спальне, готовиться ко сну. Ни какого стеснения, в таком виде ходит. Опасная штучка.

Значит Аслан не Арбеков, ещё одно действующее лицо и не низкого полёта птица.

– Ну что ж, много интересного в этом доме, но пора и честь знать.

Хозяйка всё ещё не уходила, стояла, о чём – то думала.

– А вдруг останется – непонятные чувства боролись в душе Алексея. Словно ему не хотелось, чтоб она уходила, какой – то даже задор разлился по телу. Один шаг отделял его от вдруг нахлынувшего, безудержного желания выйти из-за ширмы. Он замер, что есть силы напряг тело, впившись взглядом в просвечивающийся силуэт, стоявшей напротив женщины. Но она вдруг зябко подёрнула плечами, повернулась к двери. Дверь захлопнулась, шаги удалились.

– Фу-у, что это со мной! – Странно, но так сильно тянет к этой женщине, да и ощущение такое. Будто я знаю её сто лет.

Вновь наступила тишина, нарушаемая отдалёнными звуками голосов на первом этаже.

Возвращался он на прямую, вроде никого, сиганул вниз, выпустив сумку, мягко перекатился по траве и был уже на ногах.

Скорей всего интуиция. Почувствовал какое-то движение воздуха, движение тени с правой стороны, ушёл влево, крутанулся, прочертив ногой дугу, как торпеда весом более сотни, подсёк нападавшего, в мгновение уже развернулся, прыгнул на него, не давая опомниться, ударил костяшками пальцев в горло чуть в сторону от кадыка и сразу рванул тело от него, прокатился по земле, стоял уже на четырёх конечностях и перехватив ногу второго, которая летела в него, как добрая кувалда, отбросил её враз в сторону, перекувырнувшись на противника, в лупил обеими кованными каблуками в бочину, потерявшего равновесие быка.

Попал видно в печень и хорошо попал, человек рухнул без крика. Первый тоже был отключен, этот удар в сонную артерию, без всяких усилий, успокаивал противника на минут 20, если не навсегда.

– Вот это да. – Алексей прислушался, Если бы стояла мёртвая тишина, может кто и услышал шум драки Но вдалеке играла музыка, слышались звуки. Усадьба жила своей жизнью спокойной и умеренной

– Ах ты Воронов вновь послал их на обход, так и хочется этому спецу что-то вынюхать. Может что другое. – Не было времени размышлять

Один зашевелился, что-то промычал, приподнялся, помогая руками и тут же мощнейший удар, заставил его уснуть ненадолго, Алексей послушал второго. Ни каких признаков. Что делать. Скоро они всё равно проснутся и всё насмарку. Не долго думая, закинул руки одного за спину обхватил бечёвкой. Также другого. Сумку на шею. Схватив за грудки, потащил вглубь леса.

– Быстрей, быстрей, – он почти бежал, не чувствуя их веса, хотя каждый был порядком тяжеловат. Подтащив к забору, бросил на землю, достал из куртки уже взятые с собой для этого куски материи, заткнул обоим рты и сверху крутанул скотч, прислушался, дышат, скоро очнутся. Растянул обеих, привязал ноги к друг другу, а шеи прижал к дереву и обмотал верёвкой

– Будут дёргаться, сами себя задушат. Очнутся, надо подсказать. – Алексей не долго ждал. Вскоре зашевелился один, потом замычал второй.

– Ребята значит так, мы вас не будем бить, если вы будите вести себя благоразумно – приглушённо сказал Алексей. Меня вот оставили покараулить вас, да предупредить, когда очнётесь, что б не задушились.

Давно мы за вами пасём – сказал вперемешку с жаргоном, может примут за уголовников, – хотя вряд ли, но постараться можно, на время мозги запудрить.

– Богатая хибара, деньжата, поди имеются. А?. – Оба быка лежали уставившись на Алексея в полном умопомрачении. Наконец один что-то замычал, Алексей придвинулся к нему

– сниму кляп, орать не будешь – Бычара пошевелил головой в знак согласия. Алексей приподнял огромный сук над головой лежавшего, который он прихватил, когда ещё они были в отключке.

– Ну ты понял – Тот кивнул

Он минут пять спрашивал охранника, ненавязчиво давая понять, что здесь не один и что вырубил их колами, поверят не поверят ему наплевать, главное он подсказал им тему, как оправдываться, всё равно вернее будет, что их вырубил трое.

– А как связь, когда вас хватятся.

– В любой момент может. По рации. – Раций не было, значит на месте драки.

– Ну ладно вы тут лежите ребята, а мы попробуем всё же хатку взять, чует моё сердце, есть здесь деньжата-

– Не советую – промычал лежащий, – Там охрана. Ещё. Не наша – кавказцы, туда нас даже не пускают, во второй половине

– А вас сколько? —

– Двое по наружному один внутри. А вообще двенадцать их там. Когда как.

Алексей не стал больше спрашивать, время уходит, могут хватиться охрану. Он заклеил рот лежащему, ещё раз подсказав о последствиях, быстро двинулся в сторону места драки, перед этим отошёл метров 5 сделал вид что разговаривает с кем-то, меняя голос. Рации разрывались. Делать было нечего нужно срочно уходить. Прихватив сумку, он растворился в темноте.

Глава 4

Воронов сидел и смотрел в тёмную ночь, иногда ловя себя на мысли, что последнее время, это стало происходить почему-то часто. До тошноты надоели эти абреки и смотреть на небо, в глубину звёзд, было каким – то облегчением, от ежедневной, обыденной нерво-трёпки.

Майор запаса, представить не мог, что придёт время и не станет он нужен родной армии, и просто сократили и ничего больше, как в порядке вещей, и не одного его, другим повезло меньше. Познакомил его с Блаженкиным, Георгий Александрович, его однофамилец, добрый мужик, хоть и профессор, вспомнил почему-то его Воронов. Когда закрыли КБ перевели охрану сюда. Можно было конечно отказаться, да предложили зарплату от которой не отказываются.

Дочка в институт поступает. Одна единственная, умница, красавица, с отличием закончила школу, но когда пошла поступать, оказалось за медаль надо платить. Деньги хорошие отдал, да и не жалко, главное, что учится. Воронов вздохнул.

– Отвлёкся он что-то, где там пошли на обход Матвей с Данилой.

Он сделал вызов по рации, ответа не последовало

– Опять подглядывают. Охрана не серьёзная, – он не понимал зачем их держат здесь, создают видимость, когда рядом целый взвод, нерусские все, хотя и русские там есть, не понятные.

– Да и чёрт с ним, платят да и ладно и пацаны хоть что-то зарабатывают, только что-то запропастились эти пацаны – Воронов ещё раз вызвал по рации.

– Ксенофонов – несколько раз рывкнул он. В дверях появился белобрысый парень.

– Опять возле хозяйки крутишься, пройди по периметру, что-то молчат Матвей с Данилой. —

– Сделаем, товарищ майор – белобрысый махнул ресницами, скрылся за дверью.

Вновь вспомнилась дочка. Жену вспоминал, только в годовщину. Привык уже, что нет её. – Крякнул, отбросил мысли, подошёл к окну, недовольный на самого себя,

– Сколько можно. На работе, думай о работе, черт бы тебя побрал. – Рация подала звук

– Что-там? —

– Виктор Егорович, товарищ майор. Здесь, что-то не понятное. Нашёл рации, а Данилы с Матвеем нет-

– Что значит нет, где ты-

– Стой стороны, под окнами. Ну сами знаете где —

– А что они там делали – взорвался Воронов

– Вы сюда идите, я уж не знаю. —

Воронов, почувствовав какую – то тревогу, рванул за здание. Освещая фонариками, осматривали землю. Всё было истоптано. Но как-то странно, возле раций как будто Мамай прошёл, а дальше следов почти не видно. Никто конечно из них не знал, что Алексей несколько раз, обмотав ботинки тряпицей, проделал трюки на месте драки, оставив подобающее количество следов. Воронов внимательно осматривал место.

– Рации не трогал? —

– Да нет, – товарищ майор. Услышал писк, как увидел, так сразу вам сообщил—

– Интересно, зачем они в разные стороны разбежались, а двое видно тащили Матвея с Данилой, —

подумал Воронов. Ясно виден примятый след, кое где борозды от каблуков ботинок, в направлении забора.

– Не похоже, что двое. —

Он поднял руку

– Тихо. Потуши фонарики. За мной. – Показал направление, и они двинулись в темноте. Осторожно пробирались в сторону, куда уходили следы. Выглянула луна, и как в злобном оскале, очертила тени верхушек сосен. Напряжение было на пределе. Воронов уже пожалел, что не поднял всех по тревоге.

Произошло что-то серьёзное, раз здоровенных парней, тащили как щенят, Воронов определил это в начале, когда ещё осматривал следы при свете фонарика, недаром прошёл срочку в погранвойсках, след так и уходил в лес, ровный не упирающийся будто несли две сумки с тряпками.

– Конечно, в темноте толком не разглядишь. Потом надо будет хорошенько всё осмотреть – мелькнуло в мыслях. Так и пробирались они при свете луны осторожно, ожидая каждый миг нападения, пока не услышали глухое мычание, отрывисто раз, два – затихло опять, раз, два.

Воронов заметил их первый, поднял руку. Замерли. В его группе все были не обстрелянные кроме Матвея, который служил на севере, да и чуть повоевать успел, но сейчас он лежал связанный по всем правилам вместе с Данилой.

– Благо что живы – шёпотом сказал молодому Ксенофонтову, чтоб смотрел по сторонам, присел на корточки перерезал все верёвки. С ножом он не расставался. И молча смотрел, как освобождали себе рты, отплёвываясь и ругались два здоровенных детины.

– Если бы была засада, развязать не дали б, уже был бы бой. Значит ушли. —

– Ну рассказывайте – Он не хотел выслушивать их в здании, пока сам не разберётся, поэтому оставил и молодого, чтобы послушали и не проявляли потом любопытства, и не делали неправильных выводов.

– Мы вернулись – Начал Данила, – Смотрим, свет горит, видно по силуэту, что по телефону говорит, подошли поближе, свет потух, вышла или нет, не видно было. Уже хотели уходить, как шторка отодвинулась и в окне мужик, да как с окна сиганёт, мы к нему, и больше ничего. Как в пропасть.

Говорил он тяжело, держась за горло, хорошо досталось.

Все вдруг опомнились и начали озирааться

– Да-а. – подумал Воронов – Охраннички —

Данила рассказал, как беседовал с ними один из них, как тот разговаривал со своими, отойдя на метров десять. На вопрос Воронова видел ли кого ещё, ответил, что только слышал.

Но было их не меньше трёх, а может быть и больше.

– А ты что молчишь, Матвей?

– Что говорить, Данила вон, как по писаному, чешет. Добавить нечего —

Время прошло уже порядочно, нужно было возвращаться. Что с Мариной Валерьевной всё в порядке Воронов знал, она была в холле, разговаривала по телефону.

– Значит встречается с кем то она в тайне от мужа и Аслана. Вот курва, двух мужиков ей мало. Что с Асланом у ней близкие взаимоотношения, Воронов вывел из своих умозаключений и шепотков обслуживающего персонала, но конкретно ни когда не замечал. Но как все мужики, раз входит запросто в спальню к замужней женщине, когда мужа нет дома, ясное дело. Не здесь так в другом месте. Ещё и на Ксенофонтова глаз положила.

– Короче так! Ни кому ни слова, представьте, скажем, что видели, как при вас мужичок сиганул из окошечка. А спросит, почему ж не задержали? А? Получится откроем её тайну, и доказать ни чего не докажем. а в басню на счёт ограбления, мало верится. А то что работы лишимся, это точно. Скажем. что шум в лесу слышался, вот и проверяли, а завтра всё обсудим.

– Собак надо спустить. – Сказал Данила

– Рано ещё, гости не уехали, да и тот кто здесь накуролесил, уже далеко, но на всякий случай, после того, как доложу, походите, постреляйте ракетами. Так на всякий случай. На этом, они двинулись в здание.

Глава 5

Вверху, от стоящей рядом где лежали связанные, мохнатой сосны, отделилась тень. Скользнула вниз. Бесшумно и тихо растворилась в кустарнике.

Воронов не стал обсуждать со своими, что правда и во что не верить, После того как доложил, подобающе, что слышали какой то непонятный крик, может зверь, но на всякий случай отправил с ракетами, пошёл к себе.

Произошедшее как-то неосознанно давило, чем – то непонятным неподдающимся какому-то логическому объяснению. Служба в погранвойсках научила многому. Как только не ухитрились нарушители пройти границу. Были случаи, когда следы настолько запутаны – и не ясно, сколько прошло, сколько вернулось, сколько несли на себе, что бы вернувшись, оставить как будто одного, на самом деле оставались на нашей территории несколько человек, подставляя всего лишь ненужную мишень. Но всё равно, их ухищрения были разгаданы, и Воронов в этом был просто спец.

Взяв фонарик, он отправился на место, где нашли рации. Теперь он уже точно и скрупулёзно осматривал местность. Луна зашла, небо потянуло тучами, было темно и пахло свежей сыростью.

– Может даже и дождик пойдёт, всё смое, – подумал Воронов и стал дальше осматривать следы. Его мучили сомнения.

– Почему, человек пришедший к женщине, пришёл с группой людей. Ну ладно бы вдвоём, товарища для поддержки, но встреча тайная, может и не любовная, вовсе. От всех, почему и как, начали кипеть мозги. Воронов был спокоен, невдалеке слышались голоса его парней, ракеты изредка уже освещали верхушки леса.

– Ах красавцы, да ведь вас всего двое было, но один – конь что ли? Он определил, что два человека, хотя пытались показать, что больше.

– Меня не проведёте – хмыкнул Воронов – весом почти одинаковые, килограмм сто, а то и больше. Здоровые ребята, – первое определение, что тащил один, подтвердилось, второй видно следил за обстановкой. Но какая силища.

Воронов уже собрался уходить, как вдруг его словно током пробило, он не мог определить, как пришёл второй. Всё вроде верно: следы, поступь вроде разные. Пришли в наглуемую с фасадной стороны здания, но вот до асфальтированной дорожки идут два следа, а дальше, он что по воздуху летел.

– Не может быть, ну не может быть – Было такое чувство, какое Воронов испытал, когда не опытным молодым лейтенантом он принимал решение, в сложнейшей ситуации. Тогда он спас и бойцов своих и задержали нарушителей, но он понял, что впервые у него тогда появились седые волосы – Воронов стал озираться.

– Что же это, один человек расправился с его парнями, как паук с мухами, ведь он один был. Не тронул их, оставил живыми, что это. Не человек, а зверь.

Воронов оглянулся, по спине ползли мурашки и холодная испарина покрыла лоб.

Он уже не смотрел на обстановку. А снова прошёл тем же путём, но уже тщательно осматривая каждую травинку, каждый кустик, всё больше убеждаясь в своих выводах.

– Товарищ майор – услышал он голос Матвея Воронов поднял голову —

– Подойди. Что ты? —

– Да вот поговорить хотел – Воронов выпрямился

– Ну давай, быстрее. Матвей посмотрел по сторонам, затем приглушённо сказал.

– Один он там был. Просто всё делал так, что б ввести в заблуждение, Поэтому я и не опровергал Данилу, скорей всего так и было, к хозяйке приходил.

– Давай подробней. —

— Да всё я видел. Скорость бешеная, только какое-то мелькание, и мы оба готовы. А когда тащил, я очнулся, дёргаться было бесполезно, представьте, тащил нас как щенят

А состояние было моё полная парализация, пришлось притвориться.

— Ну ты хоть что-то запомнил —

— Лицо было закрыто до глаз, с виду ничего особенного, примерно такой же как я, только странно дышал интересно, встречал я уже такое. —

— Что? —

— Да не запыхался даже, когда нас связывал, как будто ничего и не было—

Матвей не договорил чего-то, Воронов это почувствовал, когда он хотел сказать что-то, но замялся.

— Ещё что видел? —

— Да нет, так, что-то свербит, понять не могу —

Ну ладно, ты вот что. Ни кому, пока не разберёмся сами. — Понял!

— Понял—

— Даже Даниле, не говори, что мне сказал. Здесь всё намного серьезнее, чем мы предполагаем. —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.